

Татяна Перцик

Научнем все
сначала

Ивановка

Татьяна Герцик
Начнем всё сначала

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Начнем всё сначала / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2012 — (Ивановка)

Можно ли простить предательство, даже если очень любишь? Жанна считает, что нет. Но у Павла другое мнение...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Герцик

Начнем все сначала

Глава первая

Глядя из окна на небольшую площадку перед студенческим общежитием, Жанна прощально помахала рукой. Отец взмахнул в ответ, сел в Ниву, и, плавно развернувшись, уехал. Жанну охватил радостный подъем, ей захотелось, как в детстве, поскакать на одной ножке и прокричать «ура!». Улыбнувшись своим смешным желанием, она оглядела небольшую общежитскую комнатку на двоих. Пара одноместных кроватей с тумбочками, обшарпанный обеденный стол с тремя стульями, один из которых, видимо, предназначался гостю, небольшие платяные шкафы по стенам рядом с кроватями, у каждой жилички свой. В маленьком коридорчике – совместный санузел с неудобной душевой кабинкой.

На неприветливый взгляд Жанны, весьма недурно. Неплохое место жительства на ближайших пять лет. Снова выглянув в окошко, она со своего пятого этажа пристальнее оглядела окрестности студенческого городка. В виднеющемся неподалеку небольшом скверике цвели астры, георгины и другие поздние цветы. Повернувшись к соседке по комнате, она с придыханием объявила:

– Как красиво, Юля! Кто, интересно, занимается здесь цветоводством?

Симпатичная девушка, выкладывающая из дорожной сумки вещи в узкий шкаф, стоявший на ее половине комнаты, не разделяла полудетского восторга соседки и ответила сумрачно:

– Да студенты, кто ж еще? Под руководством преподавателей биологического факультета. И нам это удовольствие вскоре предстоит.

Жанна немного удивилась кислому тону соседки.

– Это так трудно?

– Не столько трудно, сколько противно. Я вообще не выношу в земле копать. Я коренная горожанка, и в общаге живу только потому, что мне до дома добираться с пересадками почти три часа. Но на выходные я домой буду уезжать, естественно. Да и посреди недели можно будет рвануть, если уж сильно захочется.

Жанна приехала из деревни, вернее из крепкого села с расхожим названием «Ивановка», и никогда не думала, что работа на земле может быть противной. Трудной – да, но противной? В ее потомственной учительской семье, работающей в сельской школе уже много поколений, никогда не считалось зазорным держать большое подворье со множеством разномастной живности, плюс роскошный сад, заложенный еще прапрадедом. Но она промолчала, не желая спорить с этой городской белоручкой. Возможно, им еще и не придется заниматься студенческим парком.

Но им пришлось. Первый курс всего университета должен был отработать на общественно полезных работах почти месяц. Филологам досталось привести в порядок всю территорию студенческого городка, а отделению русского языка и литературы, где учились девушки – убрать сквер.

Натянув на себя потрепанные джинсы, черную водолазку, кроссовки, и, как деталь маскарадного костюма, белые нитяные перчатки, Юлия фыркала и кривилась, чувствуя себя огородным пугалом. Не понимавшая ее Жанна радовалась. Одета она была приблизительно так же, только вместо водолазки на ней была свободная фланелевая рубашка в крупную коричневую клетку, но смотрелась она в этом непритязательном наряде вполне комично.

Впрочем, она в любом наряде была приметной. И не из-за яркой внешности. В ней была та мера собственного достоинства, которая заставляла с собой считаться, но не переходила в самолюбование и эгоизм. И работы Жанна никакой не боялась. Сейчас ее родные как раз приступали к уборке целого гектара картофеля, и она обязательно бы участвовала в ней, как это бывало уже много лет.

Правда, картофелекопалкой картошку выкопают быстро. Но это будет своего рода встреча старых друзей, ведь к ним на помощь, как обычно, прибегут выпускники предыдущих лет. Нынешним ученикам отец помогать не позволит, это неэтично. Вспомнив, как весело в их семье проходит уборка, сколько в это время шуток, смеха, дружеских приколов, Жанна ностальгически вздохнула, всей душой желая оказаться рядом с семьей и друзьями.

Впервые уехав так далеко от дома, она уже скучала, хотя не видела родных всего несколько дней. А ведь впереди пять долгих лет. И, хотя мама на прощанье говорила, что студенческие годы – самые яркие в жизни, Жанна пока этого не ощущала.

Еще мать настойчиво просила ее хорошенько подумать, прежде чем ответить на мужскую любовь, ведь порой та грозит настоящей бедой, на что Жанна неодобрительно пожала узкими плечами. Она же не дура, как, видимо, считает мама. Она не собирается никому вешаться на шею. У нее другая в жизни цель – получить специальность и вернуться обратно в Ивановку, чтобы продолжить дело их семьи.

К тому же у нее уже есть любимый. Правда, восемнадцать лет, как считают родители, не время для принятия серьезных решений, но она твердо решила – окончит университет, и они с Сашкой поженятся. Правда, он еще об ожидающем его счастье не знает. Александр – сын управляющего их ООО и вполне подходит старшей дочери директора школы, тем более, что они хорошо знают друг друга: всю школу проучились в одном классе и последний год даже просидели за одной партой.

После окончания школы Сашка не стал поступать на очное, а пошел на заочное отделение сельхозакадемии, решив стать агрономом. Его отец, Иван Александрович, тоже в свое время закончил агрономический факультет, но взваливать на себя еще и работу агронома у него не было ни времени, ни возможности. Хозяйство у них весьма и весьма немаленькое, за всем нужен хозяйский пригляд. К тому же недавно, чтобы не сдавать молоко за бесценок городским переработчикам, правление запустило небольшой молокозавод, а теперь задумало построить еще и небольшой колбасный цех. Благодаря деловой хватке управляющего их хозяйство процветало и могло позволить себе некоторые излишества, к примеру платить стипендию своим студентам или шить красивую форму ученикам школы.

Но вот Юлия с постной физиономией оторвалась наконец от зеркала, и они спустились вниз. На улице уже толпился народ. Из неприметной каморки в подвале завхоз выкидывал вверх грабли, лопаты и носилки. Юлия с Жанной тоже получили садово-огородный инвентарь и принялись выкапывать отцветшие цветы, складывая их в большие кучи на обочине.

Первокурсницы работали не шатко, не валко, лишь бы время провести. Не привыкшая к подобным темпам Жанна поначалу рванула было вперед, но была остановлена другими студентками, не желавшими надрываться. Она втихомолку досадовала: она одна сделала бы куда больше, чем вся эта толпа, вместе взятая, но противопоставлять себя остальным не хотела.

В час разошлись на обед, в два собрались снова. Погода была прекрасная, мягко светило солнышко, резко пахло увядающими цветами, вокруг было разлито то особое умиротворение, какое бывает только осенью, когда выполнившая свою задачу земля готовится к зимнему покою.

Девчонки снова принялись за работу, больше болтая, чем делая.

В четыре часа занятия на соседнем факультете окончились, по только что подметенным дорожкам пошли старшекурсники, с открытым интересом рассматривая новеньких и подбадривая их не совсем приличными словами.

Знавшая всё обо всех Юля саркастично прокомментировала:

– Это физмат идет. У них тут корпус рядом. Они там все такие – будущие компьютерные гении. У всех мозги набекрень. Каждый второй – игроман, или, вернее, геймер. А то и похуже – хакер. У них недавно одного судили. Дали несколько лет, правда, условно. Но из универа выперли.

Жанна с любопытством посмотрела на проходивших мимо парней. Ничего криминального в них не заметив, хотела уже заняться делом, когда высокий изящный юноша, скорее даже молодой мужчина, повернулся к ней и лукаво подмигнул. Вздвогнув, она поспешно отвернулась. Но парень не прошел мимо, как она надеялась, а свернул с дорожки и остановился около нее.

Оценивающе оглядев ее с ног до головы из-под полуприкрытых век, одобрительно протянул:

– Ух ты, какая куколка!

Она с негодованием вскинула на него глаза. Конечно, в Ивановке ей не раз приходилось слышать от парней, что она красива, но там их сдерживал авторитет отца, и открыто за ней никто не ухаживал: бросить вызов директору школы, по сути второму у них на селе лицу, никто не рисковал.

Не привыкнув к такой фамильярности, она приготовилась дать достойный отпор нахалу, но парень не стал дожидаться ее реакции, а требовательно спросил:

– Как тебя зовут, куколка?

Возмущившись таким панибратством, она смешно пропищала:

– Катя!

Он засомневался:

– И почему мне не верится?

Фыркнув, она деревянно, как заводная кукла, взмахнула рукой:

– Всех кукол зовут Катями, ты разве этого не знал? Ну, в крайнем случае Машами.

Парень понял свою ошибку и дурашливо поклонился, раскаянно прижав руки к груди.

– Извините, был не прав, поторопился. Позвольте представиться: Павел Новицкий. Предупреждаю: Паш и Павликов не терплю. Поэтому прошу звать меня только Павел.

Жанна негодуяще пожала плечиками и пренебрежительно скривилась, выражая свое отношение к этому дурацкому требованию. Она к нему никак обращаться не собиралась, поэтому его предупреждение было ей до фонаря.

Не отрывая пристрастного взгляда от ее надменной физиономии, парень вкрадчиво продолжил:

– Я студент последнего курса физмата. Мне двадцать три года. Живу с родителями в городе, учусь хорошо. Что еще ты хочешь обо мне знать?

Она сердито отрезала:

– Ничего!

Осуждающе качая головой, Павел укоризненно заметил:

– Это слишком много. Так ведь нельзя: не успела познакомиться с парнем, а уже всю подноготную выпытываешь. – И посмотрел на нее раздевающим взглядом.

Жанна вспыхнула. Она чувствовала себя на редкость неловко, и что отвечать этому городскому пижону, не знала. Будь он одним из ее односельчан, она бы за словом в карман не полезла, но здесь всё было иное и она не успела освоиться в этом стремительно изменившемся мире.

Новицкий лукаво предложил:

– Не хочешь отвечать? Давай я угадаю твое имя?

Уверенная, что он никогда не сможет этого сделать, в ответ она небрежно вскинула ровную бровь. Но тут Юлька, выдергивавшая в конце аллеи засохшие кусты однолетних пионов, позвала ее на помощь:

– Жанна, иди сюда, я никак этот чертов корень выдернуть не могу!

Павел коротко хохотнул и констатировал:

– Ага, мы зовемся редким именем Жанна! Теперь понятно, почему ты так задрала нос, когда я предложил его угадать. Думала, не узнаю?

Кинув на него сердитый взгляд, Жанна побежала на зов соседки. Они вдвоем дернули непослушный куст, но тот не поддавался. Дружно пожав плечами, принялись искать лопату, чтобы подкопать непокорный цветок.

Подошедший следом за Жанной Павел с насмешкой следил за бестолково суетившимися девчонками.

Наконец ему это надоело, он отодвинул их и бросил:

– Ну-ка, не мешайте!

И одной рукой легко вытащил из земли огромный корень. Только после этого подвига Жанна внимательнее взглянула на настойчивого парня. Он был худощав, с гривой каштановых волнистых волос, доходивших ему до плеч. Зеленовато-карие глаза насмешливо сверкали из-под черных, будто нарисованных, бровей. На нем был мешковатый толстый свитер, скрывавший гибкую фигуру, и плотные потертые джинсы. Зато черные ботинки просто сверкали, радуя глаз, и Жанна вспомнила, что начищенная обувь – обязательный атрибут культурного человека.

Но можно ли этого типа назвать культурным человеком? Или здесь, в большом городе, всё по-другому? Ведь в Ивановке никто из односельчан не стал бы так нахально приставать к незнакомому человеку.

Но, несмотря на не очень лестные о нем мысли, она не могла не признать, что в бесцеремонном собеседнике присутствует неуловимая животная грация и определенный шарм. Он был по-мужски привлекателен, и даже очень.

Мудрая Юлия посмотрела на него с неприкрытым недоверием, и парень досадливо осклабился. К такому он не привык. Он всегда нравился девчонкам, а эта парочка относилась к нему явно предвзято. Растянув рот в ироничной усмешке, поинтересовался:

– Ну-с, пчелки мои трудолюбивые, с какого вы факультета?

Демонстративно проигнорировав заданный им вопрос, Юлия обратилась к подружке:

– Давай отнесем это всё в общую кучу.

По-прежнему не обращая внимания на сопровождающего, они сгрузили выдернутые кусты на носилки и понесли на параллельную аллею, где собирался мусор для отправки на свалку. Вопросительно подняв бровь, упорный парень пошел следом. У кучи толпились девчонки, с ними стояли несколько парней с физмата. Павел встал поодаль, махнул сокурсникам рукой, подзывая. Дождавшись, когда те подойдут поближе, показал бровями на Жанну и тихо предупредил:

– Не трогать! Моя!

Студенты пошловато захихикали и таким же шепотом уточнили:

– Слушай, Павел, тебе не надоело? Ты каждый год выбираешь себе новенькую, а потом от нее линяешь. Притормозить не хочется?

Он чуть презрительно скривил уголки губ.

– Пусть тормозят те, для которых жизнь кончается, а еще порую. Мне женщины еще не надоели. – И спросил у однокашников: – Узнали, откуда девчонки?

Те подтвердили:

– Естественно. Первым делом. Это птенчики с филфака. Будущие учителя русского и литературы. Опора и оплот отечественной культуры, как ты понимаешь. Гуманоиды, одним словом.

Новицкий плотоядно облизнулся, снова оглянувшись на Жанну.

– Очень, очень приятно. Они гораздо интереснее биологичек или юристок. С ними даже поговорить иногда можно. В соответствующих перерывах, естественно.

Парни неприятно загоготали, и Жанна бросила на них возмущенный взгляд из-под черных ресниц. Павел даже присвистнул от восхищения.

– Как глазки-то полыхнули! Синим огнем. Как не спалила, не понятно. Хороша, ничего не скажешь!

Решив, что для первого знакомства он сделал вполне достаточно, многообещающе помахал Жанне рукой и стремительно пошел по аллее, заставив себя не оглядываться, и гадая, смотрит она ему вслед или нет.

Жанна не смотрела. Павел ей категорически не понравился. Ей никогда не нравились нахалы. В их интеллигентной семье в чести были люди умные, добрые, и уж ни в коей мере не нахальные. А этот тип так выпячивал свою мужскую суть, что ей было попросту противно. Она припомнила, как называется свойство мужчин подчеркивать свою мужественность и вести себя так, как этот сегодняшний знакомец. Брутальность? Фыркнув, строго сказала себе: такие типы не для нее. Вот Александр, она уверена, никогда не стал бы вести себя так развязно.

Очистив от осеннего мусора одну аллею, девчонки решили, что на сегодня сделано достаточно, и разошлись. Юля с Жанной ушли в свою комнату, переоделись в домашнюю одежду и заварили чай.

Сжевав бутерброд с сыром, Юля внезапно с хмурой гримасой предупредила соседку:

– Ты знаешь, Жанка, не доверяй этому типу. Наверняка это местный ловелас. Уж очень он такой...

Она долго не могла подобрать нужного слова, и Жанна пришла ей на помощь:

– Нахально-сексапильный? Навязчиво-брутальный?

Чуть слышно вздохнув, Юлька подтвердила:

– Ну да. Я таких типов знаю. Приходилось встречаться. Для них ничего святого нет. Наплетут с три короба, добьются своего и слиняут. Так что будь осторожна.

Жанна чопорно кивнула головой.

– Да, конечно. Но, думаю, со мной у него ничего не получится! – это прозвучало у нее на редкость самоуверенно.

Побледневшая соседка, обратившись в свое прошлое, прикрыла глаза рукой.

– Ты знаешь, такие ловеласы без мыла везде влезут. От них сложно защищаться, особенно если молодая и глупая, а следовательно, и доверчивая. Знаешь, с какой нежностью они тебе в глаза заглядывают и про вечную любовь красиво врут? Поневоле согласишься. И они новеньких ищут, нетронутых. Им не интересны такие же, как они, готовые лечь в постель с первым встречным. Они любители трудных побед – ведь чем тяжелее труд, тем слаще награда. Но они никогда не останавливаются, их манит сам процесс покорения новых вершин.

Жанна с сочувствием посмотрела на подругу, видимо, жестоко обжегшуюся об такого же волокиту. Ей стало ее жаль, но, понимая, что та не примет ее сочувствие, для этого они слишком мало знакомы, неловко пообещала:

– Я буду осторожна.

На следующий день они снова убирали сквер, но на этот раз к Жанне никто не подходил. К другим девчонкам постоянно клеились парни с разных факультетов, а ее обходили стороной, как прокаженную. И так всю неделю, что они убирали территорию. Под конец она стала чувствовать себя отверженной. Несколько раз, правда, к ней подходил кто-нибудь из студентов и

пытался познакомиться, но ему тут же свистел кто-нибудь из стоявших неподалеку парней, и тот немедленно исчезал.

Дотошная Юлька, заметившая эту странность, позвонила брату, закончившему в прошлом году юрфак, и объяснила ситуацию подружке:

– Это сигнал: занято. В общем ты, как номер в гостинице, уже забронирована.

Они посмотрели друг на дружку и сразу подумали об одном и том же – это мог быть только Новицкий.

Юлька с неприязненным выражением лица заметила:

– Настырный парень, однако. Посмотри, какую мудреную выстроил схему – сам не приходит, чтобы возбудить твой интерес, но и к тебе никого не подпускает, дабы не создавать конкуренцию. Но, думаю, скоро появится. По этой давно апробированной стратегии сейчас должна быть быстрая атака. Так что будь настороже.

Она оказалась права. В последний день их садовых работ Павел, небрежно помахивая сумкой с тетрадами, остановился рядом с Жанной и спросил:

– Соскучилась, пчелка моя?

Томно взмахивая длинными ресницами, она согласилась:

– Безумно! Кстати, ты в каких кустах прятался, кавалеров от меня отгоняя?

Он усмехнулся, оценив ее демарш.

– Зачем? Этим я никогда не занимаюсь. Думаю, тут и без меня было кому предупредить нечестивцев.

Ничего не ответив, Жанна демонстративно задрала нос и отвернулась. Парень окинул ее чисто мужским взглядом. Он не скрывал, что она его здорово волновала. Ее тоненькая фигурка, быстрые и ловкие движения, ярко вспыхивающий румянец и поразительно синие глаза вполне могли вызвать желание у любого нормального парня, а он был абсолютно нормален.

Когда она быстро пошла прочь, легко переступая стройными ножками, он внезапно горячо пообещал себе: к Новому году эта недотрога станет его. А он всегда выполняет свои обещания.

Он так и смотрел ей вслед, пока кто-то из однокурсников не стукнул его по плечу и не спросил, что с ним такое.

Но вот садово-огородные работы закончились и первый курс приступил к занятиям. В конце недели, радуясь окончанию последней пары, Жанна несколько раз встала на цыпочки, разминая затекшие от долгого сидения ноги, и вышла в коридор. Насколько проще было в школе – там никогда не бывало в день по десять уроков, или, по-университетски, пять пар. А что с ней будет, если придется просидеть шесть? В расписании есть и такие дни.

Тяжко вздыхая, вышла в коридор и удивленно остановилась, не понимая, что случилось. Девчонки из их группы, не расходясь, возбужденно перешептывались, глядя куда-то в сторону. Жанна машинально посмотрела туда же.

У окна, весь в черном, красивый, как черт, стоял Новицкий с одной-единственной розой в руках. Роза была исключительной красоты, огромная, какого-то нереального темно-бордового цвета. Жанна вздрогнула, на уровне интуиции догадавшись, что этот спектакль затеян исключительно для нее. Павел и прежде несколько раз встречал ее после занятий, но она даже разговаривать с ним не хотела. И вот очередной марш-бросок.

Быстрым шагом пошла в противоположную сторону, надеясь, что он ее не заметит. Но парень, мгновенно сориентировавшись, одним длинным прыжком опередил ее и, встав на одно колено, протянул розу.

Жанна брезгливо поморщилось. Это выпендристое позерство оскорбляло ее своей лицемерностью.

Сделав шаг назад, она иронично посочувствовала незадачливому поклоннику:

– Спасибо большое, но от цветов я стараюсь держаться подальше. У меня на них аллергия. – При этом в словосочетание «от цветов» она умудрилась вложить столько яду, что любой недотепа бы догадался, что в виду имеется сам Новицкий.

Не моргнув глазом, Павел поднялся, надменно улыбнулся и выбросил розу в раскрытое окно, вызвав потрясенный вздох у изумленных девчонок.

Жанна неодобрительно надула розовые губки.

– И зачем так жестоко? Подарил бы розу кому-нибудь другому.

– Чтобы этот другой, или, вернее, другая, начала питать необоснованные надежды? Нет уж, я так опрометчиво не поступаю. Кстати, насколько я понимаю, на конфеты у тебя тоже аллергия?

Откинув со щеки непослушную прядь, Жанна смешливо заявила:

– Нет, на конфеты у меня аллергии нет. Но я их не ем, у меня от них зубы болят.

Он понятливо протянул:

– Понятненько. А на концерты не ходишь, потому что уши болят?

Утомленно приложив ко лбу тыльную сторону ладони, Жанна проговорила томно-хрипловатым голосом, доказывая, что артистка из нее не хуже, чем из него – артист.

– Какой может быть концерт после сидения на занятиях почти десять часов? Нет, сидеть я нигде больше не желаю.

Небрежно обойдя его, как столб, случайно оказавшийся на дороге, быстро побежала по коридору. У Новицкого остался нелепый выбор – или помчаться за ней, рискуя сбить кого-нибудь из повстречавшихся на пути, или ретироваться.

Он выбрал третий – завидя спешащего по делам преподавателя, остановил его и принялся расспрашивать об экзаменах, задавая совершенно идиотские вопросы. Тот смотрел на него зверем, но это Павла не смущало, он хотел лишь, чтобы разошлись иронично хихикающие зрительницы.

Когда сцена опустела, пошел домой, прикидывая, что же ему делать дальше. Наскоком эту недотрогу не взять, тут может помочь лишь длительная упорная осада. Что ж, для него это необычно, и, безусловно, внесет новые краски в уже несколько поднадоевший сценарий. А то обычно сплошной примитив – пришел, увидел, победил. Скучно. Но с этой, похоже, будет повеселее.

Шел нудный морозящий дождь, такой привычный для октября. Выключив свет, Жанна уныло наблюдала за холодными каплями, медленно ползущими по стеклу. От света фонарей они казались расплавленным серебром, тускло отражая потоки мертвенно-голубоватого света.

Было отчаянно тоскливо. Хотелось домой, в тепло их уютного дома. Можно, конечно, съездить в Ивановку на эти выходные, но она только на прошлой неделе ездила домой, а билет на автобус стоит вовсе недешево. Конечно, родители всегда подкинут тысячу-другую, но ведь она взрослый и ответственный человек и никогда не станет транжирить деньги на пустые капризы. К тому же в семье подрастают еще двое детей – сестра Аня и брат Мишка, моложе ее на четыре и на десять лет. И ей нужно быть благоразумной.

Повздыхав, Жанна открыла роман, нашла главу, на которой остановилась в прошлый раз, но читать не стала, безразлично положив его на колени и снова уставясь в окно. Если бы Юлька не уехала домой, было бы гораздо веселее. И почему она не поехала с подружкой, ведь та настойчиво звала ее в гости?

Но она провела у нее в гостях позапрошлые выходные, и ехать вновь так скоро было бы навязчивостью. И хотя родители Юлии принимали ее доброжелательно, а старший брат Алексей с откровенным удовольствием, ехать к ним не хотелось. Может быть, потому, что Алексею ей ответить нечем, а ни к чему не обязывающий флирт не для нее?

Припомнился Александр. В их последнюю встречу он был каким-то уж очень рассеянным, совершенно не обращал на нее внимания, хотя она специально для него надела новую

синюю кофточку, так красиво оттеняющие загадочную глубину ее глаз. Вместо того, чтобы млеть от ее невозможной красоты, – как никак невеста, пусть и будущая! – он настойчиво пытался прокатить на своем мотоцикле Аньку. Та не соглашалась, и Сашка почему-то отчаянно злился. А потом и вовсе ушел домой и даже не пришел проводить, хотя прекрасно знал, что она уезжает. В общем, всё было не так, как обычно.

Может быть, у нее из-за этого такое необычно подавленное настроение? Или это от безделья? Она вспомнила наставительные слова бабушки, любящей повторять: лень – мать всех пороков. Но чем же ей заняться? Она переделала всё, что могла. Если бы она была дома, работы было бы невпроворот, а тут делать совершенно нечего.

Она обвела придирчивым взглядом стерильно чистую комнату. Всё выдраено, только что не сверкает. Может, на дискотеку сходить? Но как же быть со страшной клятвой, которую она дала сама себе: всегда быть верной только Александру? Она же всегда выполняла свои обещания. Хотя если Сашка и впредь будет вести себя так, как в прошлый раз, то она его непременно разлюбит. Это просто вопрос гордости. Зачем ей человек, которому она безразлична?

Решив в следующую поездку непременно разобраться с равнодушным возлюбленным, принялась читать, безуспешно пытаясь вникнуть в смысл напечатанных строчек. Обычно она читала запоем, с удовольствием отдаваясь чужим страстям, но сегодня в голову не пробивалось ни одно слово из прочитанного. Что с ней такое? Может, на нее так действует полнолуние? Она поняла голову к туманной круглой луне, чей свет с трудом пробивался сквозь плотные низкие облака. Странно, прежде она никогда не реагировала на полнолуние, новолуние и любые там затмения.

В дверь раздался требовательный стук. Она вздрогнула и обернулась, невесть отчего заволновавшись. Не спрашивая разрешения, в комнату быстро зашел Новицкий. Небрежно повесив на вешалку мокрую куртку, остался в черных джинсах и свитере. Взяв стул, поставил его рядом с хозяйкой. Сел, лучезарно улыбнулся и вежливо поинтересовался, довольно поблескивая глазами:

– Привет! Скучаешь?

Жанна нахмурилась, досадуя на себя. Какая же она безалаберная! Опять забыла запереть дверь! Сколько раз ее предупреждала Юлька, что здесь город, а не деревня, и вот ей это наглядно продемонстрировано.

С шумом отложив книгу в сторону, с упреком посмотрела на нарушителя спокойствия и сердито спросила:

– И зачем ты здесь?

Парень широко ухмыльнулся.

– Сама догадайся. Я тебе об этом докладывать не собираюсь.

От его фривольно поблескивающих глазок Жанна разозлилась, вновь почувствовав себя бодрой и живой.

– Давай убирайся! Тебе здесь делать нечего!

Павел даже не шевельнулся. Наоборот, закинул ногу на ногу и вальяжно откинулся на спинку, будто она предложила ему располагаться поудобнее.

Стараясь достойно выйти из неприятного положения, Жанна в который раз предупредила охальника:

– Тебе здесь ничего не обломится! Я люблю другого!

Тот в ответ лишь небрежно хмыкнул, не желая принимать ее слова всерьез.

– Ты, как высокоморальная особа, будешь ему всегда верна?

Жанна решительно кивнула головой, подтверждая эти слова, и Павел, внезапно разозлившись, колко заметил:

– А как ты узнаешь, хорош ли он в постели, если тебе не с кем будет сравнивать? – сознательно опошляя всё, что было ей дорого.

Жанна окончательно разозлилась. Она всегда отличалась вспыльчивым нравом и сейчас поведение нахального гостя истолковала как вызов лично ей, Жанне Дмитриевне Берсеновой. Встав, агрессивно уперла руки в бока и заявила:

– А ну выметайся отсюда, или я тебе помогу!

Он лениво поинтересовался:

– И как ты это сделаешь? Охранников на помощь звать будешь? Так этим создашь конфликт интересов: половина из них – мои друзья, и ты вынудишь их выбирать между служебным долгом и добрым ко мне отношением. Прикинь сама, как это непорядочно.

У девушки от гнева синим огнем запылали глаза, и парень внезапно почувствовал, как его сердце принялось биться тяжелыми неровными скачками. Не выдержав соблазна, резко вскочил и прижал ее к себе, ища жадным ртом ее губы. Не ожидавшая быстроты атаки Жанна растерялась.

Воспользовавшись этим, Павел быстро прижал ее к двери, одной рукой обхватил за талию, другую запустил в волосы, не давая отвернуться. Поцелуй оказался потрясающим. Он затягивал, обещая нечто волшебное, намного превосходившее всё, что у него было ранее.

Жанна с неожиданной для такой хрупкой особы силой отпихивала ненужного ухажера. Держать ее и одновременно целовать было трудно, и Новицкий желчно подумал, что такого в его жизни еще не бывало – прежние подружки сами вешались ему на шею, не пытаясь сопротивляться даже для вида.

Стараясь встать поудобнее, непредусмотрительно ослабил хватку, и Жанна тут же отпихнула его от себя. Глядя на него разгневанными глазами, демонстративно стерла со своих припухших губ нежеланные поцелуи, и, внезапно распахнув дверь, сильным толчком вытолкнула непрошеного гостя в коридор.

С трудом удержавшись на ногах, Павел потрясенно уставился на дверь. Вот это сила! А он-то думал, она нежный одуванчик! Совсем забыл, что она девушка деревенская, привычная к тяжелому крестьянскому труду. Дверь вновь распахнулась и в лицо ему полетела мокрая куртка. Вытащив из кармана платок, он стер воду и толкнул дверь. Закрыто. Он постучал. Без ответа. Постучал погромче. В ответ распахнулась дверь напротив и насмешливый девчоночий голос провоковал:

– Что, голубчик, не пускают? Ну, видно, заслужил! – И искушающее предложил: – Но ежели и вовсе плохо, заходи, обогреем!

Павел негромко чертыхнулся и побрел вниз, размышляя, как это он мог попасть в такую переделку. Он ухлестывал за этой деревенской девчонкой почти два месяца, угрохал на это массу времени и сил, но оставался там же, что и в начале. Он даже начал несколько сомневаться в реальности поставленного самому себе срока – соблазнить ее к Новому году. Она не поддавалась ни на йоту.

Парень недовольно причмокнул губами и ощутил оставшийся на них вкус ее губ. И повеселел. Что ж, если всё остальное будет такого же сногшибательного уровня, как этот первый поцелуй, то овчинка выделки стоит. Вода камень точит, как известно. Еще немного упорства – и он своего добьется.

Погрозив кулаком запертой двери, Жанна возбужденно заметалась по комнате. Ее трясло от возбуждения, но она приписала это непривычности ситуации. Каков нахал! Двумя походя сказанными фразами Новицкий подверг осмеянию всё, во что она верила! Все ее идеалы! Как он посмел?! Свинья! Но сквозь эти нарочито-взвинченные обвинения прорывалась неприятная правда: ей понравился его поцелуй. Очень понравился. На душе было и сладко, и гадко. Чувствовала она себя изменницей.

Но почему? С Сашкой они никогда о любви не говорили. И не целовались никогда. Самое большое, что разрешал себе Александр – это пригласить ее на танец на школьной дискотеке. Она всегда знала, почему: он слишком уважал ее отца, чтобы ухаживать за ней открыто, да

и боялся выглядеть рядом с ней неотесанным деревенским увальнем. Он ведь за два метра, здоровенный бугай, и она рядом с ним казалась даже не тростиночкой, а прозрачной ниточкой. Так что пара из них, конечно, не ахти. Но погодите, она закончит университет, купит себе туфли на высоченных каблуках и разница в росте и весе исчезнет! Воинственно погрозив кому-то кулаком, она с уверенностью, которой вовсе не ощущала, снова пообещала: у них всё будет хорошо! Обязательно!

Зажмутив глаза, постаралась представить себе образ любимого, чтобы с его помощью стереть из памяти ненужные объятия и поцелуи. Но Александр и не думал появляться. Вместо него перед ней возник требовательно глядящий на нее нахал.

Жанна озадачилась и пригорюнилась. Неужели достаточно какого-то нелепого поцелуйчика, чтобы она забыла любовь всей своей жизни? Да никогда этому не бывать!

На следующие выходные, вновь оставшись одна, Жанна первым делом закрылась на ключ. С силой подергав дверь и убедившись, что проникнуть к ней невозможно, решила, что теперь-то этому настырному типу до нее не добраться. От этой мысли почему-то стало очень скучно. Вот если бы рядом был Сашка...

Закрыла глаза и представила его так хорошо знакомые черты. Но почему-то его образ моментально расплылся и исчез, не желая скрасить ее скучное существование. Жанна рассердилась и на него и на себя, виня во всем усталость и плохую погоду.

Снова заморосил дождь, глухо барабана по стеклу. Она с укором подняла взгляд на серое промозглое небо, и тихо ахнула: в окно на нее глядел Павел. Он насмешливо ей улыбался и показывал пальцем на шпингалет, прося распахнуть окно. Едва дыша от ужаса, она подбежала к окну и распахнула раму.

В комнату вместе с порывом холодного ветра спрыгнул напрочь вымокший Павел и вежливо поблагодарил:

– Вот спасибо, милая, а то я уж думал, что больше мне не жить. Уж больно скользкая эта труба. А тот выступ, по которому мне пришлось идти пару метров до твоего окна, вообще выше всяческих эпитетов.

Захлопнув за ним окно, Жанна прижала руки к груди с грозившим выпрыгнуть из нее сердцем.

– Ты с ума сошел! Там же так скользко!

Она не понимала, как можно было так рисковать из-за дурацкого позерства. Водосточная труба, по которой он взобрался на пятый этаж, давно проржавела и могла обрушиться в любой момент. К тому же пологий выступ за окном, на котором он только что стоял, был не более десяти сантиметров.

Ее сильно затрясло от потрясения. А если бы он сорвался? Стало по-настоящему страшно.

Поняв, о чем она думает, глядя на него круглыми остановившимися глазами, парень оскалил ровные зубы и беспощадно утешил:

– Принесла бы цветочки ко мне на могилку, ну, может, всплакнула бы чуток.

Жанна судорожно заявила:

– Я никогда не плачу! Плачут только жалкие слабаки, а я никогда такой не была!

Он с нарочитой печалью спросил:

– Неужели тебе меня ни капельки не было бы жаль?

– Родителей твоих мне было бы жаль! А тебя чего жалеть – ты же просто дурак, не знающий, как добиться своего!

Павел скинул куртку и сделал к ней быстрый шаг.

– Так научи! Ты же всё знаешь!

Забыв, что сзади стоит ее кровать, Жанна опасливо шагнула назад, и, не удержавшись, рухнула на постель, нелепо раскинув руки. Не растерявшись, парень тут же очутился сверху.

От него веяло свежим ветром и дождем, с мокрых волос крупные капли падали прямо ей в глаза. Она зажмурилась и тут же почувствовала на своих губах его настойчивые губы.

Павел не спешил, наслаждаясь теплом и мягкостью девичьего тела. Ее запах, запах чистой белой лилии и нежного женского естества до такой степени кружил голову, что все мысли вылетели из его буйной головы. Он вкушал ее губы как самый изысканный деликатес, чуть постанывая от наслаждения.

После перенесенного весьма рискованного подъема, на который он решился под влиянием злого импульса, толкнув ее дверь и поняв, что она накрепко закрылась изнутри, достигнутая цель казалась еще слаще. Он даже подумал, что, если бы Жанна не сопротивлялась, наслаждение не было бы таким ошеломляюще острым. Ее сопротивление да перенесенный стресс, когда он несколько раз прощался с жизнью, чувствуя, что ботинки скользят по влажному металлу, обострили восприятие до предела.

Жанна напряглась, но стряхнуть с себя тяжелое тело парня не смогла. Резко отвернув голову в сторону, четко сказала, стараясь сладить с собственными чувствами, грозящими вот-вот выйти из-под контроля:

– Прекрати сейчас же!

Чувствуя себя обездоленным, Павел, тяжело дыша от нахлынувшего вожделения, просительно прошептал:

– Не сопротивляйся хоть сейчас, очень тебя прошу! Ничего плохого не случится, обещаю!

Не понимая сама себя, Жанна обескуражено затихла, и парень с удвоенным усердием продолжил исследование ее соблазнительного рта. Провел языком по контуру ее губ и понял, что ему нужно больше. Много больше. Сдерживаясь из последних сил, протянул руку вниз, на упругий холмик ее груди. Лифчика на ней не было, и его руку с ее телом разделял лишь тонкой ситец. Нежно сжал грудь, чувствуя, как под его пальцами возбуждающе напрягается сосок. Порадовавшись, что на ней легкий халатик, а не плотный спортивный костюм, что был в прошлый его приход сюда, обвел большим пальцем этот провокационно выпятившийся сосок.

Она прерывисто вздохнула и протестующее завертела головой, но он положил другую руку на ее волосы, не позволяя уклониться от поцелуя.

Жанна понимала, что это нужно прекратить, и немедленно, но впервые в ее жизни воля и здравый смысл, которыми она так гордилась, растворились в горниле мужской страсти, и она не знала, как же справиться с внезапно пробудившейся в ней женщиной.

Пока она боролась с чувственным притяжением, внезапно возникшем в жарких мужских объятиях, тело начало жить странной, неведомой ей прежде жизнью: оно горело, в животе появилась неприятная тяжесть, и от сосков, которые Павел попеременно ласкал своими горячими пальцами, во все стороны шли искрящиеся разряды.

Даже сквозь плотно закрытые веки неяркий свет единственной лампочки, почему-то став обжигающе ярким, кинжалом проникал в зрачок. И слух обострился так, что надсадное дыхание Новицкого и стук его сердца казались ей оглушительными.

Но вот он оторвался от губ и спустился ниже, целуя шею. Мокрые холодные волосы мазнули ее по лицу, приведя в чувство. Она распахнула глаза и попыталась сказать «нет». Но голос не повиновался, зацелованные губы не хотели складываться в обычные слова. Тогда она с силой столкнула парня с себя и странно хриплым, непослушным голосом скомандовала:

– Хватит! Уходи!

Не ожидая ничего подобного, тот слетел с кровати и чуть не упал, но в последний момент всё-таки извернулся и умудрился встать на ноги. Жанна с кривой ухмылкой подумала, что он как кот – всегда падает на лапы. Встав, он, не скрывая багровых пятен на щеках и вздувшейся ширинки, жестко сказал:

– Издеваешься?

Соскочив с кровати, Жанна лихорадочно запахла ненадежный халатик и упрямо сказала:

– Мне этого не нужно, неужели не понятно?

Он издал неприятный смешок.

– Неужто в самом деле не нужно? Но как ты этого можешь знать, если ни разу не попробовала? – и направился к ней, не скрывая своих намерений.

Жанна метнулась к двери, широко распахнула ее и решительно потребовала:

– Уходи! Немедленно!

Проходившие по коридору любопытные студентки замедлили шаг, выясняя, что же случилось. Поняв, что лучше выполнить паническое требование Жанны, Павел неохотно забрал свою куртку и пошел к выходу, прикрываясь ею, как щитом. Возле Жанны притормозил, с тихой угрозой пообещал:

– Мы еще встретимся! – и вышел, широко шагая и мрачно глядя в пол.

Быстро закрыв за ним дверь, Жанна упала на стул, обхватив ладонями пульсирующие виски, не понимая, что это с ней было. Возбужденное тело горело огнем, дыхание прерывалось, будто она только что сдала кросс, в глазах мелькали огненные точки, прожигая мозг насквозь. Чтобы снизить накал страстей, приняла контрастный душ. Постепенно пламя, вспыхнувшее под его настойчивыми ласками, затихло.

Выбравшись из душевой кабинки, принялась вытирать голову пушистым полотенцем. Блуждающий взгляд упал на запотевшее зеркало, и она, вспомнив безрассудное появление Новицкого в окне, снова задохнулась от беспокойства. Она никогда раньше не подозревала, что парни могут быть столь напористыми. Если бы он ее любил, это было бы объяснимо, но чтоб до такого доводила обыкновеннейшая похоть? Это ж надо, лезть в дождь по водосточной трубе на пятый этаж, каждое мгновение рискуя сорваться! Какой идиотизм! Нет, такой человек ей понравиться никак не может. Ей всегда нравились люди спокойные и рассудительные, как Александр.

Будучи человеком здравомыслящим, признала: другим девчонкам наверняка нравятся совершенные из-за них безумные поступки. И Павел это хорошо знает. Он вообще хороший психолог. Во всяком случае, в женской психологии разбирается неплохо, в этом она сама имела несчастье убедиться.

Обидчиво закусив губу, Жанна строго указала себе: она не такая. И сконфуженно признала: повезло, что ее сердце занято Александром, и на подобные выходки она не реагирует, иначе Павел поиграл бы с ней месяц-другой и вновь отправился на поиски новых пастбищ. А это очень, очень больно.

Поняв, что мысли зашли вовсе не туда, куда следовало, она раздосадовано подняла глаза и тихо ахнула. Из серебристого зеркального стекла на нее смотрела взлохмаченная девица с припухшими ярко-красными губами и совершенно пьяными глазами. Как вампириша, отведавшая свежей крови.

Что это с ней? Стало очень стыдно. Конечно, глядя на такую похотливую физиономию, Павел не поверил в ее искренность. И с внезапным отчаянием понял: и правильно сделал. Еще немного ласк и напора, и она непременно уступила бы ему. Какой стыд! Ее спасло чудо.

Когда в понедельник из дома вернулась Юлька, привезя море домашних деликатесов, начиная от варенья и кончая домашними пирожками с мясом, Жанна долго сомневалась, говорить ей о случившемся или нет. И только поздно вечером, когда та уже засыпала, не вынесла тяжкого бремени, лежавшего на душе, и все рассказала.

Та села на кровати, закутавшись в одеяло. Молча выслушав рассказ подруги, покачала головой и сделала вывод:

– Здорово ты его зацепила! Я не слышала, чтобы раньше он вытворял что-то подобное. Сама знаешь, такого рода слухи по универу расходятся быстро. Но для него это просто озор-

ство, и, в принципе, ничего не значит. Он не из тех, кто женится. Да и ты слишком молода для замужества. Что тебе сказать, даже не знаю. Попробуй как-нибудь продержаться этот курс, а дальше он окончит универ и смотается. Может, в армию возьмут, может, другую дурочку найдет, но сюда, я думаю, он наведываться будет не часто.

Она замолчала, а Жанна до боли закусил губу. Почему-то от Юлькиных слов стало так грустно, что захотелось плакать. Нахмурившись, напомнила себе, что она никогда не плачет, прогнала ненужные слезы, и попыталась заснуть.

Утром, с трудом вынырнув из горячего сна, побрела в ванную. С опаской посмотрела в зеркало, ожидая повторения вчерашнего. Стекло отразило немного заспанное, но в общем вполне обычное лицо. С облегчением вздохнув, выполнила все обязательные гигиенические процедуры и вернулась в комнату. Поставила чайник, засунула в микроволновку привезенные Юлькой пирожки, и только тогда разбудила подругу. Зевая, потягиваясь и проклиная всё на свете, та побрела в ванную. Умывшись, немного пришла в себя, села рядом с Жанной. Взяв горячий пирожок, предложила:

– А может, тебе стоит попросить приехать сюда твоего деревенского друга, как его...

Жанна подсказала:

– Александра?

– Вот-вот! Ты же говорила, что он здоровенный. Пусть по-мужски поговорит с Павлом. Может, тот отстанет.

Представив рядом Павла и Александра, Жанна испугалась. Не за Сашку, конечно, а за Павла. Будучи умной девушкой, сразу поняла, что соревнование за ее сердце Сашка проиграл. Хотя что он может проиграть? Он же никогда не говорил ей о любви. И, если честно, никакого особого интереса к ней не выказывал. Не то, что Новицкий.

Неужели она влюбилась в этого позера? От одной этой мысли вся кровь бросилась ей в лицо. Нет, этого не может быть. Просто ей льстит его упорное внимание, только и всего. Она же простая деревенская девчонка, не привыкшая к такому откровенному ухаживанию, вот и кружится ее бедная голова. Но это пройдет, она же здравомыслящий человек и понимает, что к чему.

Задумчиво ответила подруге:

– Не знаю, стоит ли втягивать Александра в свои проблемы. Это то же, что всему селу о них рассказать. Тогда он не один сюда приедет разборки устраивать, а все парни припрутся. Кому это надо?

Юля неопределенно помахала рукой.

– Смотри сама, тебе виднее. И помни – словам о любви, на которые Пашка большой мастак, верить нельзя.

Жанна чуть слышно пробормотала:

– Да где они, эти признания в любви? Нет их и не было. – И внезапно поняла, что, если бы Павел признался ей в любви, поверила бы сразу и безоговорочно.

И это испугало ее больше всего. Что с ней делается? Где ее голова? Неужели она потеряла ее вместе с сердцем?

На занятиях с трудом сосредоточилась, стенографируя речи преподавателей. Она давно освоила стенографию, еще в пятом классе, под руководством бабушки, просто потому, что так было легче записывать лекции учителей. Был, правда, еще один небольшой, но важный аспект – после того, как она начала конспектировать уроки непонятными закорючками, одноклассники перестали просить у нее тетрадки. Как бывало прежде – дашь кому-нибудь тетрадь, тот даст другому, другой – третьему, и в результате она оставалась без записей. И попробуй не дай! Сразу: зазналась, отличница ты наша! А так – никаких проблем!

За окном всё так же моросил дождь, нагоняя томную грусть. Жанна мечтала о выходных, чтоб наконец-то уехать домой. Хотя родители ее и не ограничивали, она сама постановила:

ездить домой не чаще, чем раз в месяц. И так ее учеба вырывает немаленький кусок из их небогатого семейного бюджета. До установленного срока оставалась еще целая неделя, но на сердце было так тяжело, что Жанна не выдержала и решила просто сбежать. Чего греха таить, боялась не выдержать и уступить напору Павла.

Павел с откровенной досадой смотрел вслед Жанне, шедшей на остановку с синей спортивной сумкой в руках. Он уже знал, что это значит: едет домой. Ишь, какая довольная и веселая. Шутит с Юлькой, смеется так задорно и не думает, что без нее ему скучно и одиноко.

Он не помнил, чтобы прежде чувствовал что-либо подобное. Но раньше никто из девиц не отфутболивал его так открыто. А, если честно, и вовсе не отфутболивал. Он всегда был любимцем дам. Жанна первая игнорировала его ухаживания и не скрывала, что ей неприятно его общество. Хотя в последний раз ему удалось растрогать ее и увлечь. Если бы она не опомнилась так внезапно, всё бы у него получилось, и сейчас эта Снежная королева не домой бы ехала, а лежала бы в постели. С ним.

От этих похотливых мыслей внизу живота неприятно потяжелело, и Павел с горечью подумал, что пора уже прибегнуть к запасному варианту. Есть ведь у него пара-тройка знакомых девчонок, которые никогда не откажут. Может, позвонить?

Он вытащил из кармана сотовый и с сомнением посмотрел на дисплей. И всего-то нажать кнопку и сказать «привет»! А дальше всё пойдет как по лыжам. Но вспомнилось запредельное удовольствие, испытанное им от невинных поцелуев Жанны, и он нехотя засунул телефон обратно в карман. Нет, не будет он мешать божий дар с яичницей. Немного потерпит, но зато каким потрясающим будет финал!

Представив Жанну в своих руках, ее мягкую грудь, ее сладкие губы, повеселел и, посвистывая, отправился домой. Если подумать, то, что она уезжает, даже к лучшему. Он бы наверняка попытался повторить тот рискованный трюк, позволивший ему проникнуть к ней в прошлую субботу, и кто знает, чем бы это кончилось.

А эту Снежную королеву он разбудит. Прищурив глаз, прикинул, когда. Октябрь уже кончается. В ноябре – вряд ли. Она еще не созреет. Но вот в конце декабря – обязательно.

Запрыгнул в подошедший трамвай и с победным блеском в глазах, так привлекавшим всех представительниц противоположного пола, принялся обдумывать план следующего визита. Хотя точнее было бы назвать его нападением.

Глава вторая

По пруду перекатывались мелкие сизые барашки. Сильный ветер склонял верхушки сосен, заставляя вековые деревья жалобно поскрипывать. Но туда, где стояла излюбленная Жаннина скамейка, ветер не проникал. Она сидела, низко склонившись к земле и пропуская через пальцы влажноватый желтый песок.

Вблизи раздались почти бесшумные шаги и кто-то тихо подсел к ней рядом. Она сразу поняла, что это Сашка. Он всегда так ходил – легким охотничьим шагом. В их селе этой наукой владели почти все мужики, сызмальства приученные отцами охоте на лесную дичь.

Александр с некоторой долей смущения спросил:

– Сердишься?

Не поворачивая головы, она расслабленно спросила:

– На что?

– Ну, я в прошлый раз тебя даже не проводил.

Передернув плечиком, она посмотрела ему прямо в глаза.

– Мы же не влюбленные, чтобы носиться друг с другом, как с писаной торбой. – И с тайной горечью добавила: – Не будешь же ты заявлять, что влюблен в меня до гроба?

Изрядно удивившись ее неожиданной прямооте, парень протянул:

– Не буду, конечно. Ты хороший друг, не больше. Но ты здорово изменилась за последние месяцы. Влюбились, что ли?

Она не ответила, низко опустив голову. Сашка понятиливо пробормотал:

– Вот оно что. То-то, я смотрю, ты странная такая. Не смеешься, не разыгрываешь никого, в лесу прячешься. И кто он?

Жанна снова не ответила, с упреком посмотрев на дотошного следователя. Но ее неодобрение его не смутило.

– Жанна, если парень хороший, то какие проблемы? Правда, ты еще молода, но это ерунда. Подружите, проверите свои чувства, а потом решите, что там будете делать дальше.

Жанна с горечью захихикала. Как же нравы ее патриархальной деревни отличаются от городских! Какая там дружба, если единственная цель ее поклонничка влезть в ее постель и слинять после этого!

Но Сашке ничего говорить не стала, а то еще в самом деле припрется в общагу отношения с Павлом выяснять. Он же считает себя чем-то вроде старшего брата. Ответственный. Постаралась перевести разговор на другое:

– Пруд-то в этом году будут чистить?

Сашка поднял валявшуюся рядом со скамейкой сосновую шишку и метко бросил ее в ствол дальней сосны. Брошенная с огромной силой шишка отскочила от ствола, как пуля, и ударилась о соседний ствол. И так несколько раз, вычертив причудливый зигзаг. Жанна сумрачно покачала головой. Ну как мальчишка, право слово!

– В этом не будут. Ты же знаешь, пруд спускают раз в десять лет.

Это она прекрасно знала. Пруд был выкопан несколько столетий назад. И каждые десять лет деревенские мужики всем селом чистили дно. Ей было лет семь – восемь, когда она увидела это фантастическое зрелище. Их пруд, больше похожий на приличных размеров озеро, исчез, а на его месте образовалась огромная грязная яма, по которой ползали тракторы, выгребая ил и грязь на берег. Потом запруду восстановили, и в очищенную чашу снова полилась чистая вода из окрестных родников. Несколько лет после этого в пруду было видно дно, но теперь он снова зарос сорной травой и затянулся ряской.

По-дружески положив руку ей на плечо, Сашка застенчиво покашлял, что для такого великана было немного смешно, и посоветовал:

– Я тебе вот что скажу: ты, главное, в постель с ним не ложись. Вдруг у него это просто блажь, которая быстро кончится? А тебя потом ни один нормальный парень замуж не возьмет.

Жанна открыла рот, чтобы возразить, и снова закрыла. Что толку переубеждать Александра, совершенно уверенного, что невеста должна быть девственницей? Как будто на дворе прошлый век, или даже позапрошлый. К тому же так думают все жители их заблудившейся во времени Ивановки.

Чтобы не отвечать, потеряла и в самом деле замерзшие руки, встала и предложила:

– Давай домой пойдем? Холодно.

Он послушно встал, и они отправились по широкой гравийной дороге мимо качающихся в вышине корабельных сосен к большому селу. Остановившись у крайнего, сложенного из толстенных лиственниц большого дома, принялись прощаться.

Задержав в своих огромных ладонях ее маленькие ручки, Сашка горячо сказал:

– Я тебе счастья желаю, правда. Ты мне как сестра.

Дальше ему продолжить не удалось. Подбежавшая откуда-то сзади Анька ехидно засмеялась и предложила:

– Вы бы женихались где-нибудь подальше, чтобы вас никто не видел. – И, всё также звонко смеясь, пробежала мимо.

Ни с того, ни с сего вспыхнувший багровым румянцем Александр, будто обжегшись, выпустил руки Жанны и, смущенно буркнув:

– Пока! Счастливо! – быстро пошел по дороге, а Жанна, недоуменно пожимая плечами, вошла в дом.

Сестра, блестя синими глазами, встретила ее на их девчоночьей половине, состоявшей из двух комнат и ванны с туалетом, и насмешливо спросила:

– И как тебе может нравиться этот бирюк? Вечно хмурый, всегда чем-то недовольный. Слова нормально сказать не может, всё ворчит, как медведь.

Жанна удивилась. Это Сашка-то хмурый? Да он самый веселый парень в их селе! Внезапно о чем-то догадавшись, прикусила язык. Неужели он влюбился в Аньку? Не может быть! Ей же всего четырнадцать! Но, с другой стороны, разница в возрасте будет совершенно нормальной, когда сестре будет лет двадцать.

Несколько ошарашенная этим открытием, Жанна ушла в свою комнату, ничего не ответив сестренке. Ей стало понятно, почему Александр так не любил ходить к ней в гости – просто не хотел лишний раз видеть Аню, беречь душу. Да, не позавидуешь парню. Ждать, пока Анька вырастет, ему придется еще лет пять, как минимум. И где гарантия, что она ответит ему взаимностью? Хотя перспективнее Сашки в их селе женихов нет.

Воскресным вечером на автобус ее провожали мать и Анька. Немного уставшая от бесконечных дел Елизавета Александровна, положив руку дочери на рукав, негромко попросила:

– Будь благоразумной, моя хорошая. Что-то ты такая в этот раз была смурная, мне даже не по себе. Хоть ты и говоришь, что всё хорошо, но мне кажется, ты просто не хочешь нам ничего говорить. Но помни – мы тебя любим и всегда поможем, что бы ни случилось!

В автобус Жанна села, глотая невольные слезы. Ах, если бы можно было всё рассказать маме! Но чем она сможет помочь? Не будет же жить с ней в городе, это невозможно. Если только ей самой бросить учебу и вернуться домой? Но это значит зачеркнуть мечту всей жизни. Хотя можно учиться и на заочном, как Александр.

Так ничего и не решив, вошла в общежитскую комнату. Включила свет и обмерла: за столом сидел Павел. Пока она приходила в себя, вскочил, забрал у нее сумку, поставил на стул.

С силой прижал Жанну к себе.

– Как я соскучился, черт! Не видел тебя целых два дня! – и принялся целовать ее, пылко прижимая к груди.

Опомнившись, Жанна с трудом выставила вперед локоть и уперлась им в горло Павла. Тот был вынужден выпустить ее из объятий.

Сделав шаг назад, с дрожью в голосе вскрикнула:

– Как ты сюда попал?

Парень невозмутимо пожал плечами, глядя на нее с легким сарказмом.

– Глупый вопрос. Через дверь, естественно. Никого же не было, чтобы впустить меня через окно.

– Ты взломал дверь? – это тоже был глупый вопрос, ведь она прекрасно видела, что они целы.

Недовольно почмокав губами, он постарался растолковать ей такую ерунду популярно:

– Знаешь, существуют такие вещи, как отмычки. Блестящие такие, металлические. Замки здесь примитивные, так что не прошло и минуты, как я оказался внутри. Хорошо, что ты быстро приехала, а то скучно сидеть в темноте в одиночестве. Вот если бы ты была рядом...

Она смотрела на него, стараясь казаться возмущенной или хотя бы сердитой. Но удавалось это плохо. Радость от встречи хлестала через край, не давая как следует нахмурить брови.

– Тебе еще не надоело? – голос прозвучал вовсе не сердито, как она хотела, а заинтриговано.

Сразу почувствовав это, Павел посмотрел на нее открытым ласковым взглядом.

– Нет. Скорее наоборот. Почему ты решила, что ты мне можешь надоест?

Скривившись, Жанна с изрядной долей ехидства подсказала:

– Может быть потому, что девчонок у тебя был явный перебор?

Он попытался снова ее обнять, но, натолкнувшись на выставленный вперед острый локоть, утешающе прошептал:

– Ты правильно заметила: был. В прошедшем времени. К тому же они – не ты. Ты – это ты.

С этим спорить было трудно, да и не хотелось, честно говоря. Промолчав, Жанна обошла непрошеного гостя и принялась разбирать сумку, спеша убрать в холодильник скоропортящиеся продукты.

Радуюсь и тому, что его не гонят, Павел сел верхом на стул и молча наблюдал за ее быстрыми уверенными движениями. Изящество и грациозность этой девочки восхищали его, а синие глаза заставляли сердце биться гораздо сильнее, чем при прежних ухаживаниях. Он даже с неудовольствием подумал, что так и влюбиться можно, а там и до кабалы под названием «брак» рукой подать.

Отбросив неприятные мысли, улучив момент, воровским движением погладил ее по руке, заработав в ответ недовольный взгляд. Но он чувствовал, что Жанна не в своей тарелке, что она борется сама с собой, и удвоил усилия. Решив действовать более тонко, сдержал свой горячий нрав, и, не пытаясь больше навязать ей свои ласки, принялся непринужденно болтать, заставляя ее смеяться.

Жанна с удивлением поняла, что теперь, когда Новицкий не пытается ее обольстить, ей с ним удивительно приятно. Они пили чай, разговаривали, и она, забывшись, начала шутить и смеяться так, как стала бы шутить и смеяться с Александром. Павел с непроницаемым лицом взглядывал на нее из-под ресниц, не желая, чтобы она заметила плотоядное выражение его глаз. Она представлялась ему маленьким диким зверьком, приручать которого надобно очень медленно, очень осторожно.

Парень подбирался к девушке как охотник к пугливому зверю – бесшумно и неспешно. С интересом расспрашивал ее о семье, о селе и с удовольствием смеялся над меткими и остроумными характеристиками, которые она давал односельчанам, но думать мог лишь об одном. Не желая давать ей ни малейшего повода замкнуться, расспрашивал о том, что ему было вовсе не интересно:

– А что вы больше всего любите делать в своей семье?

Ответ его изрядно удивил:

– Петь. У нас у всех голоса неплохие. Мама хорошо на фортепиано играет, мы с сестрой – на гитаре.

– А что вы поете? – спросил он это скорее для проформы, уже зная ответ.

– Главным образом русские романсы. Арии из опер. Ну, кому что нравится. Мне, к примеру, Окуджава очень нравится, а сестре романсы Фомина.

Не знавший, кто этот самый Фомин, Павел поспешил обойти опасную тему и принялся выпрашивать ее, кто чем занимается. Выяснилось, что ее семья учительствует в этой самой Ивановке вот уже два столетия.

– У деда хранятся семейные архивы. У меня тоже есть семейный альбом. Если хочешь, я тебе его покажу, он у меня с собой.

Павел захотел, и они еще долго со смехом рассматривали ее фотографии на фоне различных деревенских построек и огромного пруда среди соснового бора. Почти на всех снимках рядом с ней находился этакий былинный великан с пышной шапкой кудрявых белокурых волос. Насторожившийся Павел спросил:

– А это кто?

Жанна немного помялась и скованно ответила:

– Да так, одноклассник. Мы с ним с детства дружим. – И быстро закрыла альбом.

Павла обдала жаркая волна незнакомой прежде ревности, но расспрашивать дальше об этом былинном богатыре он не решился. Как говорится, не хочешь слышать неприятный ответ, не задавай вопрос.

Когда часы показали одиннадцать, хозяйка с намеком посмотрела на гостя, напоминая, что посторонние должны покинуть общежитие. Павел встал, благовоспитанно проговорил «до свиданья» и вышел, даже не пытаясь на прощанье приложиться к ее щеке.

Прикрыв глаза, Жанна обессилено прислонилась к закрывшимся за ним дверям с острым чувством одиночества. Может быть, ей стоило его оставить? Тут же встряхнулась, пытаясь воззвать к своему благоразумию, но оно упорно молчало.

Павел добежал до своей машины, сел за руль и, посвистывая, помчался домой. Вот так и надо было поступать – никакого напора, страсти, просто наивно-дружеские отношения. Но с каждым разом всё более и более дружеские. Если бы он не напортил сначала, теперь был бы в гораздо более тесных, так сказать, телесных, отношениях с Жанной.

Но зато он впервые в жизни получил удовольствие от простой болтовни с девчонкой. Причем без всяких неприличных намеков, хоть удерживаться от них с непривычки было сложновато. Но он не хотел нарушить возникшее между ними хрупкое доверие и тщательно следил за своим несдержанным языком. Ляпнет что-нибудь, Жанна тут же вспыхнет, как порох, и прости-прощай все его надежды. Он давно заметил, что темперамент у этой северной девушки африканский. И в кого это, интересно? Да еще этот сомнительный дружок-одноклассник, засевший у него в печенках.

Приехавшая на следующий день Юля первым делом спросила:

– Как домой съездила? Видела своего богатыря?

Пришлось сказать правду, врать Жанна и не умела и не любила.

– Мы с Сашкой выяснили отношения. Он меня никогда не любил. Он сказал, я для него как сестра. В общем, нафантазировала я себе много, а получился сплошной пшик. Он мне, кстати, пожелал быть осторожнее и в постель к Павлу не прыгать. Потому что ни один нормальный парень после этого меня замуж не возьмет.

Юлька нервно всплеснула руками.

– И из какого века он выпал?

Жанна уныло констатировала:

– Он не из века, он из нашего села. Там все так считают.

Юлия даже не нашлась, что на это сказать. Широко разведя руками, пробормотала себе под нос что-то непонятное и принялась собираться в универ. Она приезжала в понедельник рано утром, хотя из-за этого ей приходилось вставать на пару часов раньше. Жалобно ворча, что совершенно не выспалась, нашла нужные тетради, засунула их в сумку, и они с Жанной побежали в универ. Погода изменилась – вместо противного мелкого дождя, морозящего утра до вечера, похолодало, и скользкий асфальт отсвечивал под холодным светом фонарей неприятным льдистым блеском. Едва успевшая подхватить поскользнувшуюся подружку, Юлька философски заметила:

– А что ты хотела? Ноябрь.

День прошел быстро. После занятий, когда они осторожно пробирались по скользкому асфальту обратно в общежитие, их догнал Павел. Мило предложил:

– Девчонки, не хотите сходить в оперу?

Юлька брезгливо сморщилась, воскликнув:

– Я на такую гадость не хожу!

Всею душой надеявшейся именно на такой ответ, Павел с трудом спрятал довольную усмешку. Но его расчетам, Жанна, любившая классическую музыку, непременно должна была согласиться. В самом деле, у нее загорелись глаза и она, с сомнением посмотрев вниз, на сверкающий под ногами лед, неуверенно протянула:

– Да я бы ходила, но вот обувь у меня, как выяснилось, неподходящая для ходьбы по обледеневшему асфальту.

Он быстро ее утешил:

– Да ерунда, я на машине.

Еще немного поколебавшись, упорно не глядя на предупреждающе глядевшую на нее подружку, Жанна согласилась:

– Ну хорошо. Заедешь за мной перед спектаклем?

И услышала благодатное:

– Конечно!

Не дожидаясь, когда Жанна передумает под влиянием явно недолюбливавшей его Юльки, Павел рванул за билетами. Оказалось, что купить билеты в оперный театр перед началом спектакля не такая уж простая штука. Свободными оставались лишь места на галерке, куда он вести девушку решительно не хотел. Пришлось прибегнуть к папочкиным связям, и, получив пригласительный билет на два лица в директорскую ложу, Новицкий отправился домой.

Чуть поколебавшись, вместо обычных джинсов напялил на себя строгий черный костюм с чуть заметной искрой, кремовую рубашку и длинный, по моде, полосатый галстук. Вид получился чопорный, но достойный. Скептически повертевшись перед зеркалом, поморщился. Чуть посмеиваясь, признал: что не сделает настоящий джентльмен, чтобы поразить воображение понравившейся ему особы!

Заехал за ней в общагу, надеясь, что Жанна его долго мурыжить в ожидании не станет, не ее это стиль. Она и в самом деле спустилась ровно в назначенное время. На ней была длинная шубка из серебристой ондатры с роскошным песцовым воротником.

Прикинув, сколько может стоять такая шубка, Новицкий удивленно посвистел. Получалось, что такой наряд сельский интеллигент может себе позволить, проработав лет этак двадцать, при этом не тратясь ни на еду, ни на одежду.

По его оценивающему взгляду поняв, о чем он думает, Жанна звонко рассмеялась.

– Я не дочь подпольного миллионера, не думай. Просто ондатр мы разводим на своем подворье, песка отец добыл на охоте, а сшили шубку мы с мамой сами по выкройке из «Бурды».

Закашлявшись от неловкости, Павел вяло протянул:

– Да я ни о чем таком и не думал.

На что Жанна недоверчиво усмехнулась, давая ему понять, что не такая уж она простушка, как он думает. На его счастье, они подъехали к театру и он, прекратив разговор, повел спутницу в театр.

Когда Жанна скинула шубку, Павел тихо ахнул: на девушке было вечернее платье. Из бархата насыщенного синего цвета, оно делало ее и без того красивые глаза просто колдовскими. Глубокое декольте открывало часть высокой груди, чуть прикрытой очаровательной бархоткой из такого же материала, что и платье. Тоненькую талию подчеркивала сверкающая цепочка. Жанна была по-настоящему хороша, и вслед ей оглядывались все немногочисленные мужчины, попадающиеся навстречу.

Новицкого прошиб пот от одной мысли, каким бы убогим он выглядел с ней рядом, не надень костюм. Неприятительно одетая публика поглядывала на них с некоторым недоумением, и он кисло спросил:

– У тебя веера с театральным биноклем с собой случайно нет?

Жанна посмотрела на спутника, не понимая, откуда такой тон. Он пояснил свою мысль:

– Посмотри вокруг – все в джинсах.

Она снисходительно улыбнулась.

– И поэтому я должна быть как все?

Павлу не хотелось, чтобы она была как все. Но взгляды, которые на него кидали все встречные мужчины, оценивая как возможного соперника, заставляли его напрягаться. Хотя он был вовсе не против доброй драки, она добавляла остроты в пресную жизнь, а играющий в крови адреналин заставлял биться с воодушевлением, практически всегда приводившем к победе.

Они сели в первом ряду директорской ложи, и Павел приготовился к нелегкому испытанию. Он любил музыку, но не классическую. К его удивлению, «Иоланта» ему понравилась. Мелодии в ней были простые, без зауми, не то что в «Лоэнгрине», который ему пришлось слушать еще учась в школе, когда весь их класс погнали в оперный театр повышать культурный уровень. Да и первое действие «Иоланты» закончилось быстро – ровно через сорок минут, он специально засек это по часам.

Вышли в коридор, он посмотрел на лицо Жанны и остолбенел. У нее было такое светлое, притягивающее все взгляды выражение, что ему немедленно захотелось ее спрятать куда-нибудь подальше от чужих глаз. И параллельно с этим желанием где-то в подсознании возник провокационный вопрос, а не столь ли блаженным будет у нее лицо после их любви?

На его вопрос, не хочет ли она перекусить, Жанна рассеянно улыбнулась, еще слушая звучащую в душе музыку, и протянула:

– Мне всё равно.

Он повел ее в буфет, где она сжевала, явно не замечая вкуса, бутерброд с красной рыбой, отказавшись от предложенного Павлом бокала шампанского. Стоявшая за соседним столиком компания мускулистых парней с интересом уставилась на девушку. Она их взглядов не замечала, погруженная в собственные мысли, но Павел-то их прекрасно разглядел. С нетерпением дождавшись первого звонка, он ухватил Жанну за руку и увлек в зал, подхлестываемый полупрезрительными взглядами парней.

Как Новицкий и предполагал, после спектакля возле театра их поджидала троица из тех, что беззастенчиво разглядывали Жанну в буфете. Подобравшись, Павел понял, что без мордобоя не обойтись. Обычно его заводила одна только мысль почесать кулаки, но в этот раз драться ему решительно не хотелось.

Один из парней, высокий, с классически правильными чертами лица, перерезал им дорогу и спросил:

– Милая девушка, как вас зовут?

Вынырнув из облака чувственной музыки, Жанна с удивлением посмотрела на остановившего и открыто улыбнулась.

– О, вы наверное, солист балета?

Парень гордо выпрямился.

– Да.

– А в каких спектаклях вы танцуете? – Жанна почти с благоговением посмотрела на него. Он мягко улыбнулся в ответ, явно польщенный.

– Я занят в Корсаре, Дон Кихоте, Золушке. Да почти во всем репертуаре. Где на первых ролях, где на подхвате. Танцовщиков же мало. Это балерин много. А мы – дефицит.

Она закивала головой, соглашаясь.

Он предложил:

– Давайте, я вам контрмарку дам? А после спектакля пойдем куда-нибудь, погуляем.

Жанна музыкально рассмеялась, отрицательно покачивая головой.

– О нет, что вы! На артистов лучше всего смотреть из зрительного зала, чтобы не теряться эффект волшебства, вы же понимаете?

Он с сожалением сделал шаг в сторону, освобождая дорогу.

– Всё понял. Не буду лишать вас театральных чудес. Но буду очень раз увидеть вас на моем спектакле. Вдвоем с вашим другом. – И он с плохо скрытой завистью посмотрел на Павла.

Тот поклонился, жестом отказываясь от протянутой им контрамарки, и, крепко взяв спутницу за локоть, быстро провел ее к машине. Отъехав, с облегчением проговорил:

– Да, умеешь ты красиво мужиков умирять.

Жанна недоуменно вскинула бровь. Понимая, что она не притворяется, а и в самом деле не понимает, в чем дело, Павел неохотно объяснил:

– Если бы ты подала им хоть малейшую надежду, эта троица оттеснила бы меня в сторону, а тебя увезла в какой-нибудь ресторанчик. А дальше уж как масть ляжет.

Жанна не поверила его словам.

– Не думаю, мне они показались очень милыми. Я и в самом деле считаю, что не стоит знать об артистах слишком много. Их место на сцене, а наше – в зале, и пересекаться не стоит.

– Ты прямо как Красная шапочка, всем веришь.

– А ты считаешь, что город – как дремучий лес со страшными волками?

– Ну да, похоже. Особенно для красивых девчонок.

Она с иронией постановила:

– Ну тогда ты самый большой и страшный Серый Волк.

Поперхнувшись, Павел замолчал. А что тут говорить? Она права.

Молча доехали до общаги. Жанна, безмятежно прикрыв глаза и положив голову на высокую спинку, наслаждалась звучащими для нее одной восхитительными звуками. Ведя машину на автопилоте, Павел непрерывно взглядывал на ее прелестное лицо. Ему было обидно – она так увлеклась, что напрочь забыла о его существовании. Чтобы напомнить о себе, с изрядной долей ехидства поинтересовался:

– Понравился спектакль?

Она ответила не сразу. Посмотрев на него затуманенными глазами, рассеянно переспросила:

– Что? А, очень понравился. – И снова, отвернувшись от него, прикрыла глаза.

От расстройства Павел начал фальшиво насвистывать, повторяя недавно услышанные мелодии. Не вынеся это издевательство над своими ушами, Жанна нервно попросила:

– Прекрати, пожалуйста!

Павел надулся, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень обиды, но она не обратила внимания на его выразительные гримасы. Негромко сказала:

– Спасибо тебе. Я за последнее время и забыла, какое это волшебство – музыка.

У Павла потеплело на сердце. Стараясь не дать понять, что с ним твориться, с изрядной долей насмешливости поинтересовался чуть охрипшим голосом:

– А что тебе мешало съездить в театр раньше?

Немного помявшись, Жанна нехотя призналась, смущенно пряча глаза:

– Я же из небольшого села. Мне в городе непривычно. Вечером, если честно, я вообще боюсь ходить по улицам одна. А из общежитских девчонок оперой никто не увлекается.

Павел внутренне возликовал. Что ж, хоть в этом конкурентов у него не будет!

Остановив машину возле входа в общежитие, повернулся к ней и положил руку на ее кресло.

– Может, поцелуешь на прощанье? – заметив ее озадаченное лицо, добавил, как истый змей-искуситель: – Знаешь, так ведь положено. В знак благодарности, знаешь ли, а не в знак пылкой любви.

Озадаченная его непомерными запросами, Жанна всё-таки послушно потянулась к его щеке, намереваясь запечатлеть на ней аморфный дружеский поцелуй. В последнее мгновение Павел повернулся, и поцелуй пришелся прямо в губы. От неожиданности она чуть помедлила, и этим немедленно воспользовался ушлый парень. Неуловимым движением он положил ей руку на затылок и невинный поцелуй превратился в настоящее испытание для ее нравственности.

Он целовал девушку долго, наслаждаясь ее вкусом и запахом, и чувствуя, как желание всё больше и больше волнует кровь. У него возникла сильнейшее желание увезти ее в ближайший лесок, опустить сиденье и заняться тем, чего так жаждала кипевшая кровь. С другими девчонками он так и поступал, но с этой, как он прекрасно понимал, эта попытка может закончиться для него очень печально. Поэтому после ее довольно сильного удара по плечу с сожалением оторвался от ее манящих губ и посмотрел в лицо.

Оно покраснелось, глаза гневно сверкали, припухшие губы пламенели. Сраженный ее красотой, Павел, как наркоман, потянулся к ней снова, но она сердито выкрикнула:

– Дурак! Если у тебя такая такса за спектакли, то больше я с тобой не пойду, не надейся! – И, нащарив ручку двери, пулей вылетела из машины.

Павел с горечью проводил ее глазами. Дождавшись, когда руки перестанут подрагивать от напряжения, поехал домой, коря себя за несдержанность, одновременно признавая, что в такой ситуации сдержаться мог или святой, или импотент, а он не был ни тем, ни другим.

Забежав в комнату, Жанна первым делом помчалась в ванную. С осуждением посмотрев на свое горящее лицо, отрыла холодную воду, набрала полную пригоршню и плеснула на лицо. Кровь немного отлила и кожа побледнела. Она присела на край ванны, рассеянно болтая в воздухе ногой и удрученно опустив голову.

Какая она, оказывается, распушенная! Когда его поцелуй из поддразнивающего перешел в страстный, и его затвердевшие губы так легко раскрыли ее слабые и покорные, вдруг захотела, чтобы он увез ее далеко-далеко и занялся любовью прямо на заднем сиденье машины.

От этой мысли в голову бросилась вся кровь и она ужаснулась самой себе. От страха стукнула его по плечу и выпалила те глупые слова. Но боялась-то она не его, а собственных, таких необычных и крайне неприличных желаний. Если бы он только знал, о чем она думает! Как хорошо, что обычным людям это недоступно!

Решив, что от подобных переживаний спасти может только расстояние, и ей нужно держаться от Новицкого как можно дальше, прошла в комнату, перекинулась парой банальных фраз с что-то читающей Юлией и улеглась в постель, с ужасом прислушиваясь к себе. Она не сомневалась, что сегодняшней ночью ей приснится какая-нибудь гадость. Что она в постели с Павлом, к примеру.

Но ей ничего не снилось, а если и снилось, то она ничего не помнила.

Неделю Павел не появлялся, и Жанна решила, что он обиделся. Но перед Новым годом он пришел к ним в комнату и пригласил покататься. Обоих. Юлька демонстративно отказалась,

а Жанна одна не поехала. Ведь есть же у нее здравый смысл? Правда, в последнее время он явно потерял голос, но не исчез же навсегда?

В общем, просидев у них почти три часа, выпив чаю, который ему вынужденно, в силу хорошего воспитания, предложила Жанна, Павел ушел, недовольный отказом, но обнадеженный ее странной растерянностью.

Она не смотрела ему в глаза, вздрагивала, если он случайно касался ее руки, и вообще старалась держаться от него подальше. Говорила она тоже мало, поэтому он болтал не переставая, чтобы не дать образоваться тому многозначительному молчанию, которое следует перед уходом засидевшегося гостя.

Чем больше он размышлял о ее поведении, тем веселее становился. Приехав домой, он уже чувствовал себя победителем. Еще немного, и он будет на коне. Посмеявшись двусмысленности выбранного сравнения, поправился: не на коне, а на кобылке. Очень привлекательной, грациозной и норовистой. Но всё равно он будет скакать на ней верхом!

Шлепнувшись на широкий диван в своей комнате, представил, как это будет, и от желания перед глазами полыхнул розоватый туман. Вздохнув, поплелся в ванную, в очередной раз принимать холодный душ. Сколько раз ему пришлось обливаться после знакомства с этой цацей! Но скоро он будет сбрасывать напряжение не ледяной водой, а в постели с понравившейся девчонкой, как и положено природой.

После ухода Новицкого Юлька сердито сказала:

– Ну вот, ты влюбилась в этого ловеласа! А ведь я тебя предупреждала!

Вздрогнув, Жанна попыталась отпираться, с ужасом слушая свой фальшивый голосок:

– Да с чего ты это взяла?

Юлька даже не сочла нужным опровергать ее жалкие слова, лишь пренебрежительно дернула плечиком и принялась демонстративно раскладывать на столе взятые в библиотеки книги.

Притихнув и жалко хлюпая носом, Жанна призналась сама себе: подруга права. Но это ничего не значит. Она будет сильной и неприступной. Ей осталось-то продержаться всего-то полгода. А там начнутся каникулы, она уедет, а когда приедет, Новицкого в университете уже не будет. Но эта утешающая мысль расстроила ее еще больше и она пошла в ванную, где включила воду и дала волю безнадежным слезам, забыв о том, что никогда не плачет.

Она уже закупала подарки к Новому году, когда ей позвонила расстроенная мать:

– Жанна, у нас карантин. Миша заболел скарлатиной. Так что Новый год в нашем доме встречать не придется. Но ты приезжай, поживешь или у бабушки с дедушкой, Аня уже там, или у дяди Славы с тетей Олей. Скучно тебе не будет.

Жанна призадумалась. Она любила родственников, но жить рядом с собственным домом и даже не зайти в него? Немного подумав, отказалась. Она еще ни разу не встречала Новый год в большом городе.

– Нет, мама, я лучше останусь. Посмотрю, как празднуют Новый год в городе. В два часа ночи на городской площади будет фейерверк. Я никогда не видела фейерверков.

Немного посетовав, Елизавета Александровна неохотно согласилась.

О том, что на Новый год никуда не едет, Жанна никому не сказала, даже Юле. Почему? Вопрос был сложный. Может, не хотела стеснять подругу, которая непременно позвала бы ее с собой? А может, втайне надеялась увидеться с Павлом наедине? Копаться в душе не хотелось, и она сделала вид, что всё как всегда и ничего особенного не происходит.

Тридцать первого после занятий, когда девчонки из общежития разъезжались по домам, к ней в комнату заглянул Павел. Посмотрел на нее жадными глазами и спросил:

– Юлька уехала?

На всякий случай подойдя к двери, Жанна с вызовом ответила:

– А тебе-то что?

Он уныло пожал плечами.

– Да всё равно, в принципе. Ты же всё равно уезжаешь. – И с надеждой посмотрел на нее. Ей не хотелось врать, но и правды говорить было нельзя. Поэтому она быстро перевела разговор.

– А как ты будешь встречать Новый год?

Нахмурившись, он исподлобья посмотрел на нее.

– А тебе что, в самом деле интересно?

– А зачем бы я спрашивала?

В голове Жанны мелькнула неприятная мысль: почему он не хочет говорить? У него свидание с девчонкой, потому и молчит?

Скучно вздохнув, Новицкий театрально развел руками.

– Да как обычно. С родителями. Они считают, что это семейный праздник, поэтому до двух ночи буду сидеть за праздничным столом с родичами. А ты? Так же?

Она сухо подтвердила:

– Аналогично.

И не покривила душой. Если бы не карантин, так бы оно и было. Они всегда устраивали пышное застолье для родных и близких. А это было всё население их немаленького села.

Сев на стул, Павел окинул ее тоскующим взглядом.

– Может, хоть чаем напоишь?

Голос у него прозвучал с таким осуждением, что Жанна немедленно взбунтовалась.

– Некогда мне. Я еще не собиралась.

Он вкрадчиво предложил:

– Может, мне помочь? А потом я тебя на автовокзал подброшу.

Это означало крушение всех ее планов, и она заносчиво отказала:

– Нет, спасибо. И уйди, будь любезен, ты мне мешаешь!

Павел попытался воспротивиться, но она была достаточно настойчива, демонстрируя завидную твердость, и ему пришлось уйти даже без поцелуя, потому что она была настороже и не позволила ему приблизиться к себе настолько, чтобы можно было схватить ее в объятия.

Оставшись одна, Жанна испытала двойственные чувства. Было и облегчение, но досады, пожалуй, было куда больше. Наврала, и что проку? Занятия начинаются только десятого и почти две недели ей придется сидеть в одиночестве. Но уж лучше скучать одной, чем развлекаться с Новицким. Известно, какие у него развлечения.

Чтобы развеяться, пошла в соседний супермаркет и купила к празднику немного деликатесов. Накрыв праздничный стол, села за него с тоскливым чувством одиночества. Никогда в жизни ей не доводилось встречать свой самый любимый праздник одной. А ведь как его встретишь, так и год проведешь. Пожалела и о том, что не поехала домой, и о том, что наврала Павлу. Сидели бы сейчас вместе, насколько было бы веселее!

Но в монолог встрял здравый смысл. Ну, встретили бы Новый год вместе, и где бы закончилась новогодняя ночь? В постельке? А дальше что? Не думает же она, что после этого он, как честный человек, на ней женится? Нет, не настолько уж она наивна. Любовью и верностью тут и не пахло. Похотью и сумасбродством – да. Но не более того. Нет, подобные игры не для нее. Пусть теперь и не для кого беречь свою невинность, но чувство собственного достоинства еще никто не отменял.

Хотя они с Юлькой и запаслись бутылкой шампанского, но она никогда бутылки не открывала и начинать не собирается. Когда общежитское радио голосом президента поздравило ее с Новым годом, она встала, подняла кружку с лимонадом и залпом выпила, закашлявшись от острых иголок, ударивших в нос. Сообразив, что загадала в этот момент, так поразились, что долго терла лоб, пытаясь понять, что же это с ней такое. Она пожелала, чтобы Павел признался ей в любви в новом году! Чушь какая!

Отдышавшись, оделась, вышла на улицу и восхитилась – отовсюду били огненные струи. Небо сверкало от раскаленных разноцветных огней. Конечно, в Ивановке в новогоднюю ночь тоже запускалось немало шутих и других огненных забав, они и сами, бывало, запускали десяток-других ракет, но такого размаха, когда ночное небо сплошь сияло от запущенных ракет, она никогда не видала.

Полюбовавшись, пошла к автобусной остановке. Автобус пришел почти полный – все спешили на площадь, где сверкала яркими огнями главная городская елка, шел новогодний концерт и на два часа ночи была намечена настоящая огненная феерия.

Выйдя вместе с остальными пассажирами у большого белого здания, Жанна слилась с огромной гомонящей толпой. Осторожно пробираясь мимо подвыпивших людей, подосадовала, что не запаслась какой-нибудь маской – ее постоянно окликали незнакомые парни и мужики, зазывая присоединиться к ним. Пару раз ей даже достались слюнявые поцелуи, отнюдь не добавившие настроения. На ее счастье, в небольшом киоске, торгующем новогодней всячиной, был довольно большой выбор самых разных масок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.